

ЛОКАРМЕН

РАСКРЫТЬ

Лазарь Кармен

Дорогие аплодисменты

В Одессе нет улицы Лазаря Кармена, популярного когда-то писателя, любимца одесских улиц, любимца местных «портосов»: портовых рабочих, бродяг, забияк. «Кармена прекрасно знала одесская улица», – пишет в воспоминаниях об «Одесских новостях» В. Львов-Рогачевский, – «некоторые номера газет с его фельетонами об одесских каменоломнях, о жизни портовых рабочих, о бывших людях, опустившихся на дно, читались нарасхват... Его все знали в Одессе, знали и любили». И... забыли?..

Он остался героем чужих мемуаров (своих написать не успел), остался частью своего времени, ставшего историческим прошлым, и там, в прошлом времени, остались его рассказы и их персонажи. Творчество Кармена персонажами переполнено. Он преисполнен такой любви к человекам, грубым и смешным, измороженным и мечтательно изнеженным, что старается перезнакомить читателей со всем остальным человечеством.

Лазарь Кармен
Дорогие аплодисменты

Я, он и жена его сидели за чаем.

На столе, в номере, тихо шипел самовар, у кровати на привязи сопел и потягивался рыжий пес, а в клетке стучал своим острым клювом Кузьма Кузьмич Скворцов – ученый скворец, танцующий по команде вальс и другие салонные танцы.

Несмотря на час ночи, я не покидал номера.

Он – первый русский соло-клоун и дрессировщик животных, клоун, не похожий на прочих клоунов, исколесивший несколько раз со своими животными всю Россию и немало претерпевший на своем веку, передавал мне некоторые эпизоды из своей жизни.

Он передавал эти эпизоды тихим и усталым голосом. И я слушал его с нескрываемым интересом.

Да! Недешево, судя по рассказам его, достались ему его громкое имя и лавры. Они достались ему ценой крови.

Я слушал, не сводя с него глаз, и удивлялся, как этот человек до сих пор сохранил еще веселый смех, улыбку и энергию.

В данный момент передо мной сидел не

жизнерадостный клоун, заставляющий бесечно аплодировать и неистовствовать раек, заставляющий детишек в ложах от души хохотать и хлопать своими маленькими ручонками, а расслабленный, усталый и разбитый человек.

– Тс-с, Запятуся! – часто прерывал он свои воспоминания и ласково гладил по атласной и черной шерсти свою удивительную умницу собачку, примостившуюся возле него сбоку.

Рассказав несколько глубоко захватывающих своим драматизмом эпизодов, клоун вдруг уставился в меня грустными глазами и, вздохнув, сказал:

– Да, много, много я на своем веку выстрадал. Сколько разочарования я вынес в своей жизни! Недаром я перенес все свои симпатии и дружбу на своих животных. Были, конечно, в жизни у меня и светлые моменты. Но мало, ах, как мало! Если сказать, положа руку на сердце, то всего в жизни был у меня один такой момент, светлый!

Клоун оживился, просиял, и в глазах у него блеснул радостный огонек.

– Какой это момент? Расскажите! – стал я

просить его.

Клоун переглянулся с женой, погладил свою собачку и начал:

– В тысяча восемьсот девяносто четвертом году я с Анютой (жена его) переправлялись на небольшом пароходе через реку Обь в Сибири. Переправлялись мы вечером. Вечер был чудный. Полный месяц золотил на далеком пространстве реку, плоский берег, к которому мы приближались, и палубу нашего парохода, на которой дремали в позолоченных лунным светом клетках мои дрессированные птицы и животные. Я с Анютой, стоя у железных перил на палубе, широкой грудью вдыхали мягкий вечерний воздух и любовались разбросанными по берегу инородческими юртами и далеко отстоящим лесом. Чудный, чудный вечер! Никогда я не забуду этого вечера! Одно только омрачало меня тогда. Позади, в ста шагах от нас, тихо на буксире покачивалась баржа. Если бы не месяц, она была бы похожа на большой черный гроб. Благодаря месяцу она была освещена. Это была скорее клетка, чем баржа. Огромная клетка, похожая на клетки для зверей. Но не звери сидели в

ней, а люди. В ней сидели арестанты. И когда я поворачивался, то встречался с мрачными лицами, стеклянными холодными глазами, серыми халатами и сильно режущими своим блеском мои глаза кандалами.

Кандалы эти звенели и зловещими звуками наполняли воздух. Я поворачивался только на минуту, ибо всякий раз, встретившись с неясно очерченными лицами, с оскалом зубов, со сверкающими, как раскаленные угольки, глазами и с холодным, но стертым до блеска стали железом кандалов, вздрагивал.

Волосы шевелились у меня на голове, и сердце сжималось.

Эти мрачные лица, эти серые халаты, эти звенящие похоронным и зловещим звоном кандалы нарушали поэзию вечера и напоминали о том, что рядом со спокойным лунным вечером, рядом с чистыми и кроткими небесами, рядом с гармонией в природе живут и вечно будут жить братоубийство, порок, страдание, скрежет зубовой и проклятие.

Пароход наконец медленно причалил к берегу. Причалила в ста шагах от него и человеческая клетка.

Я и Анюта в числе нескольких пассажиров сошли на берег. Пароход нагружался дровами, а мы, пока шла нагрузка, стали прохаживаться. Обнявшись с Анютой и прижавшись к ней, я забыл об этой ужасной клетке и весь отдался обаянию вечера.

«Какой вечер, какой славный вечер, Анюта!» – восклицал я в восторге.

Анюта разделяла со мной восторг.

Вечер этот нежил, настраивал, и у меня вдруг явилось желание петь. И я запел. Голос у меня был тогда свежий. Я запел один чудный цыганский романс – «Тоска по родине». Голос мой расплывался по всему берегу, и стоящий в ста шагах ко мне лицом часовой-конвойный прислушался.

Стали прислушиваться, бросив работу, и матросы.

Помню, я был тогда в ударе. В моем голосе слышались тоска и слезы. Я пел около десяти минут, и, когда я окончил, с реки раздалось вдруг наподобие пальбы из десятка ружей оглушительное:

«Браво, браво, Владимиров!»

При этом сильно зазвенели кандалы. Мне

аплодировали арестанты. Сердце у меня от неожиданности готово было выскочить. Я почувствовал, как ноги у меня подламываются. Но я скоро овладел собою. Задыхаясь от волнения, я бросился вперед к воде.

Конвойный загородил мне дорогу.

«Нельзя!»

Но я оттолкнул его.

Я видел ясно протянутые ко мне меж железных прутьев решетки дрожащие руки и сверкающие на них браслеты, я видел счастливые лица и, сам протянув руки, крикнул сдавленным голосом:

«Откуда вы меня знаете?! Как вы меня узнали?!»

В клетке послышался гул.

«Мы узнали вас, господин Владимиров, по голосу!»

«Я вас видел с вашей Бишкой в Москве, в манеже!»

«Я вас видел в вашем цирке в Воронеже!»

«Я вас видел в Петербурге у Чинизелли!»

Но вот гул и звон кандалов улеглись. В клетке воцарилось молчание. Серая масса халатов отодвинулась в конец клетки, рассту-

пилаась и дала дорогу одному арестанту.

Высокий, худой, с белой по пояс бородой, с длинным орлиным носом и в халате внакидку, он подошел к решетке и воскликнул дрожащим голосом:

«Благодарю вас, господин Владимиров, от всей нашей отверженной братии! Благодарю вас за высокое и эстетическое наслаждение, доставленное нам вашим чудным пением! Вы вашим пением воскресили в нашей памяти дорогое прошлое. Вы перенесли нас в разные города, в разные деревни, села и дома! Спасибо, сто раз спасибо! Да наградит вас бог!»

«Спасибо вам!» – бросился я у самой воды на колени, и слезы хлынули у меня градом. Помнишь, Анюта?!

– Помню, – вздохнула жена.

– Вот он, лучший момент в моей жизни, вот они, лучшие выпавшие на мою долю аплодисменты! А дорогие, дорогие аплодисменты!

Клоун закончил свой рассказ и отвернулся, чтобы скрыть выступившие у него на глазах слезы.

Примечание

В рассказах «Дорогие аплодисменты» и «Пронька» речь идет о знаменитом цирковом артисте Владимире Дурове. *(Прим. ред.)*

[^^^]